

Как и всякая оригинальная работа, книга Пученкова имеет свои особые «слабости». Создаётся впечатление, что он сознательно уходит от анализа новейшей историографии, ограничиваясь редкими ремарками. Впрочем, жанр очерков вполне это допускает. Вместе с тем автор, весьма преуспев в отыскании неизвестных источников личного происхождения, несколько пренебрежительно отнёсся к тогдашней прессе, хотя информационное пространство в то время было довольно подвижным и «плотным». В любом случае в редкую из современных книг о Гражданской войне хочется *вчитываться*, возвращаясь к многозначительным деталям прошлого. И монография Пученкова относится к их числу.

Автор превзошёл некоторых признанных мэтров. Особенно важно то, что он смог преодолеть «красно-белый» стереотип описания событий Гражданской войны. И всё же позицию местных националистов на Украине и тем более в Крыму следовало бы изложить подробнее. Дело в том, что русское население окраин зачастую преувеличивало исходившую с их стороны опасность, оказывая соответствующее влияние на политический курс белогвардейского руководства, отразившееся затем в историографии. При непредвзятом же анализе событий Гражданской войны нельзя игнорировать подобные «мелочи».

Когда-то Питирим Сорокин заметил, что в ходе революции в человеке просыпается не только зверь, но и дурак. Этим пользуются известного рода политики. Георгий Иванов написал однажды отчаянные строки: «Рассказать обо всех мировых дураках, // Что судьбу человечества держат в руках? // Рассказать обо всех мертвецах-подлецах, // Что уходят в историю в светлых венцах?..». Именно об этом «парадоксе» истории впечатляюще напоминает данная книга.

К сожалению, Пученков не обошёлся без некоторых штампов. Так, он отмечает «невероятно быстрый рост национального самосознания украинского народа» в 1917 г. (с. 8). На деле собственно национальное сознание не возникает в одночасье, нации не рождаются из ничего. «Национально-сознательные» всегда находятся в меньшинстве, а за ними *бессознательно* тянутся растерянные толпы. Формирование подлинно национального самосознания – длительный и болезненный процесс. То ли С.В. Петлюрой, то ли В.К. Винниченко была сказана примечательная фраза: «Независимость мы получили, теперь надо создавать нацию». Позднее эти же слова буквально повторил постсоветский украинский президент.

Прошлое не уходит, а потому надо уметь не только описывать, но и *прочитывать* его. Хотелось бы надеяться, что этому когда-нибудь научатся не только историки.

Рафаил Ганелин: «Украинский вопрос» и советские историки

Новая монография Пученкова, ранее обратившего на себя внимание обстоятельной монографией о национальной политике А.И. Деникина¹⁴, представляет большой научный интерес и является ценным вкладом в изучение как Гражданской войны, так и истории Украины и Крыма. Так уж получилось, что по известным причинам события, происходившие на Украине и в Крыму в 1918–1919 гг., сейчас приобрели особую актуальность. Как и 100 лет назад, Украина и Крым пытаются найти свой путь строительства государственности.

¹⁴ Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина...

Надо отметить, что в советской историографии разных лет украинский вопрос произвольно трактовался под влиянием изменения политической ситуации. До XX съезда КПСС отождествление национализма в годы Гражданской войны с контрреволюцией, независимо от того, только ли к Украине оно относилось и в какой мере соответствовало действительности, в сущности подкрепляло обвинения в измене Советскому Союзу в Великой Отечественной войне, предъявленные некоторым народам. Как известно, говоря о произведённых Сталиным депортациях, Хрущёв на XX съезде сказал: «Украинцы избежали этой участи, потому что их слишком много и некуда было выселять. А то бы он и их выселил»¹⁵. Последовавшая сразу после смерти Сталина либерализация национальной политики, связанная с фигурой Л.П. Берии, заставила усомниться в подобном отождествлении. Мало того, С. Якубовская, одна из видных исследовательниц истории советского общества, публично указала на то, что «великодержавный шовинизм» являлся питательной средой для шовинизма украинского. Разумеется, с развитием процесса реабилитации перестали говорить о вражеской роли в украинских событиях В.А. Антонова-Овсеенко, А.С. Бубнова, братьев Косиор и др.

На XX съезде А.И. Микоян и вслед за ним А.М. Панкратова призвали рассматривать Гражданскую войну на Украине как часть общеидеологической доктрины. Продолжая линию съезда, «Вопросы истории», редактировавшиеся Панкратовой, опубликовали рецензию вернувшихся из лагерей и ссылок участников борьбы за установление советской власти на Украине Е.С. Осликовской и А.В. Снегова (Фаликзона), в которой, в частности, говорилось: «Наряду с националистами, на Украине действовала русская буржуазно-помещичья контрреволюция, стремившаяся сохранить Украину в составе “единой неделимой России”»¹⁶. «Вопросы истории» скоро подверглись разгрому. Есть сведения, что Микоян пытался отстоять журнал, тогда как Каганович настаивал на недопустимости сталинства. Таковы были историографические подступы к теме, и следует одобрить решение Пученкова не заниматься их воспроизведением и критикой, пойдя по правильному пути самостоятельного анализа исторических ситуаций.

Монография построена на огромном материале, извлечённом из двух десятков отечественных и, что особенно ценно, украинских архивов. Привлечены к работе и источники, хранящиеся в русских коллекциях Бахметьевского и Гумбольдтского архивов, полученные автором при посредничестве киевско-американского историка С. Машкевича. Пученков прекрасно знаком с российской, украинской, англоязычной исследовательской литературой, самой разноплановой мемуаристикой, сборниками документов, периодикой того времени. Реконструируемые исследователем сюжеты воссоздаются, таким образом, на основе всего комплекса исторических источников.

Книга хорошо написана и читается с большим интересом. Пученкову удалось живо, и в то же время не отступая от академических традиций петербургской исторической школы, рассказать о событиях, которые многим известны с юных лет благодаря роману М.А. Булгакова «Белая гвардия». В монографии

¹⁵ Ганелин Р.Ш. XX съезд КПСС и освещение советскими историками отношений между РСФСР и Украиной во время Гражданской войны // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года. СПб., 2006. С. 6–12.

¹⁶ Осликовская Е.С., Снегов А.В. За правдивое освещение истории пролетарской революции // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 139–145.

ярко освещены фигуры гетмана П.П. Скоропадского, В.В. Шульгина, А.И. Деникина, М.А. Сулькевича, М.М. Винавера, С.С. Крыма и многих других.

Но центральное место на её страницах занимает Город, как именовал Киев Михаил Афанасьевич. 100 лет назад Киев «поражал своим антиукраинским настроением». О русском Киеве и, в частности, о деятельности одного из тогдашних властителей дум – многолетнего редактора газеты «Киевлянин» Василия Шульгина, сыгравшего видную роль в создании Добровольческой армии на Юге России, Пученков пишет подробно и убедительно (с. 22–39).

Не менее интересны страницы, посвящённые Черноморскому флоту. Являлся ли он в то время фактором стабилизации положения в Крыму? Комплексно раскрывая эту сложную историческую проблему, автор показывает, что флот, даже после затопления части его в Цемесской бухте, оставался предметом торга Советской России, германских оккупационных войск, Добровольческой армии, Украинской державы, а позднее и интервентов (с. 123–153).

Анализируя политическую борьбу на Украине в 1918 г., Пученков сумел показать все антисоветские течения того времени – монархистов, умеренных социалистов, сторонников Добровольческой армии с её базовым лозунгом «Великая, единая, неделимая Россия», наконец, «самостийнические» круги. Он справедливо пишет о том, что основным вопросом для всех этих группировок был вопрос об «ориентации» – иначе говоря, о том, на какую иноземную силу следует опереться для свержения большевиков или для поддержания на Украине status quo. Желание властей новообразованной «державы» – сначала Центральной рады, а затем и гетмана, искать опору то в австро-германских штыках, то в помощи Антанты, весьма примечательно. Тщательно проанализировав все «за и против», автор предоставляет читателю самому решить, кем был Скоропадский: верным слугой отрекшегося Николая II, умеренным украинским националистом, верившим в прочность создаваемой им Украинской державы, или же человеком, постоянно лавировавшим между взаимоисключающими политическими течениями, выигрывая время «до прояснения обстановки»? Вместе с тем Пученков показывает, что ставка на германские оккупационные войска была, по сути, неизбежна при тех обстоятельствах, при которых гетман пришёл к власти, хотя именно она и привела его к краху (с. 51–55).

Крайне любопытно описана в книге деятельность П.Н. Милюкова, бывшего в Первую мировую войну верным паладином союзнической ориентации, летом 1918 г. переметнувшегося в немецкий лагерь, а после крушения Германии вновь заявившего о своей непоколебимой преданности Антанте. Автору удалось показать противоречивость фигуры Милюкова и его трагическую неспособность делать верную ставку в критические моменты. Как тут не вспомнить незадачливую попытку лидера кадетов выторговать у царя «министерство доверия» в годы Первой российской революции, тщетные усилия убедить вел. кн. Михаила Александровича принять переданный ему Николаем II престол, фиаско в дни апрельского кризиса 1917 г., и, наконец, киевские переговоры лета 1918 г. с представителями немецкого командования об условиях пересмотра Брест-Литовского договора, окончательно дискредитировавшие его как политика (с. 93–101).

Отдельная глава посвящена французской интервенции в Одессе, в неудаче которой, по мнению автора, были повинны все без исключения её участники. Между тем, как небезосновательно утверждает Пученков, её провал сыграл роковую роль в судьбе Белого движения на Юге России: ставка на Антанту как

на главного военного союзника в боевых действиях против большевиков себя не оправдала, и это в значительной степени предопределило исход Гражданской войны (с. 233–234).

Михаил Ходяков: Украинская стихия Гражданской войны

Среди значительного количества научных трудов по истории Великой российской революции и Гражданской войны новая книга А.С. Пученкова займёт особое место. Её автор – знаток не только архивных материалов, характеризующих неоднозначные процессы на просторах Юга России и Украины. Он также великолепно ориентируется в широчайшем спектре мемуарных свидетельств времён гетманщины и роста сепаратистских настроений на просторах Российской империи. В монографии ему удалось поставить важные научные проблемы и наметить пути их решения.

Между тем при всей «понятности» своего творческого замысла исследователь изначально оказался в сложном и противоречивом положении, когда заявил, что целью его работы является «реконструкция политической истории независимых Украины и Крыма» (с. 3). В действительности в полной степени абстрагироваться от экономических проблем того времени он, разумеется, не смог и был вынужден так или иначе характеризовать экономическую деятельность всех сменявших там друг друга правительств. Достаточно заметить, что успех переворота 29 апреля 1918 г. и вознесение на вершину власти генерала П.П. Скоропадского, произошедшее на съезде хлеборобов, в значительной степени были предопределены экономическими факторами. В первом же указе гетман объявлял о неприкосновенности недвижимой собственности и обещал восстановить порядок на Украине. При этом ясновельможный пан гетман официально признал, что возвращение к нормальной жизни на Украине невозможно без полной ориентации экономики края на Германию. Как отмечает Пученков, это в полной мере соответствовало главной задаче немцев – вывозу с оккупированной территории зерна, мяса, леса и даже чернозёма (с. 69).

Говоря о десятках тысяч офицеров русской армии, оказавшихся на Украине, автор указывает на их естественное стремление выжить и прокормить свои семьи. Поступавшие на службу или в резерв морского ведомства Украинской державы получали высокое жалованье: официальный представитель морского министра для связи с германским командованием в Крыму – 18 тыс. руб. в год и 6 тыс. руб. на представительские расходы, а минный офицер – 10 800 руб. (с. 72). Обратив внимание на этот факт непрямого подкупа русских офицеров, Пученков не уточняет, что собой в действительности представляли эти рубли: были ли это российские кредитные билеты («царские» или «никولاевские»), карбованцы Центральной рады или же эмитированные чуть позже деньги Крымского краевого казначейства? Все они имели различную покупательную способность и не были тождественны «донским деньгам», выпускавшимся Ростовской экспедицией и использовавшимся в 1918 г. для обеспечения Добровольческой армии генерала А.И. Деникина.

В ряде случаев автор недостаточно критично относится к свидетельствам мемуаристов. Так, сообщая про рост «одесского сепаратизма», он в подтверждение своих слов приводит факт выпуска бумажных карбованцев «из оставшихся от петлюровцев клише для печатания ассигнаций» (с. 211). Между тем карбованцы – знаки Государственного казначейства – поступили в оборот ещё